

УДК 82-09

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-5

Лебедева В. Ю. | Суицидальная проблематика в русских романах и повести
В. Набокова в свете идей Н. Бердяева

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, г. Елец, Липецкая область, 399770, Россия; vikkktoria2@yandex.ru

Аннотация. Взгляды В. Набокова на феномен добровольного ухода из жизни имеют много общего со взглядами Н. Бердяева, поэтому сопоставление дискурсов писателя и философа видится продуктивным. Объектом исследования послужили романы «Защита Лужина», «Дар» и повесть «Волшебник», рассмотренные в контексте бердяевского труда «О самоубийстве». Автором применялись методы и приемы танатологического, интертекстуального, мотивного, структурно-семантического, онтопоэтического, культурно-исторического анализа. В ходе исследования был сделан вывод, что Набоков и Бердяев, каждый своими средствами, показывают многоаспектность проблемы суицида. Они уделяют внимание личностному аспекту (наличие у суицидентов таких негативных качеств, как эгоцентризм, безответственность, склонность к эскапизму, потребительство, оппозиция к миру, богоборческие интенции), социальному (неблагоприятная среда, табуирование смерти и неуважение к ее тайне, влияние манипуляторов, токсичность идей) и мистико-религиозному (воздействие демонических сил и скрытый или явный конфликт с Богом). Различие состоит в том, что Набоков предпочитает «непрямое высказывание». Кроме того, и мыслитель, и писатель поднимают вопрос «противоядия», суть которого заключается в примирении с Богом и духовной борьбе за себя.

Ключевые слова: В. Набоков; мистико-религиозный дискурс; Н. Бердяев; суицид; танатология

Для цитирования: Лебедева В. Ю. Суицидальная проблематика в русских романах и повести В. Набокова в свете идей Н. Бердяева // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 4. С. 52-64. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-5

V. Yu. Lebedeva | Suicidal problematics in Nabokov's Russian novels and novella
in the light of N. Berdyaev's views

Bunin Yelets State University, 28 Kommunarov St, Yelets, Lipetsk region, 399770, Russia;
vikkktoria2@yandex.ru

Abstract. V. Nabokov's views on the phenomenon of voluntary self-destruction have much in common with the views of N. Berdyaev, therefore, the comparison of the discourses of the writer and the philosopher seems to be productive. The object of the research is the novels "The Defense", "The Gift" and the novella "The Enchanter", considered in the context of Berdyaev's work "On Suicide". The author uses the methods of thanatological, intertextual, motif, structural-semantic, ontopoetic, cultural-historical analysis. In the course of the study, the author comes to the con-

clusion that Nabokov and Berdyaev, each with their own means, show the multifaceted nature of the problem of suicide. They pay attention to the personal aspect (the presence of such negative qualities of suicides as egocentrism, irresponsibility, inclination to escapism, consumerism, latent or explicit opposition to the world, theomachy intentions), the social aspect (unfavorable environment, taboo of death, disrespect for death mystery, falling under the influence of manipulators, toxic ideas), and the mystical-religious aspect (the influence of demonic forces and the latent or open conflict with God). The difference is that Nabokov prefers “indirect statements”. Also the philosopher and the writer raise the issue of the “antidote”, the essence of which they see in reconciliation with God and spiritual struggle for the soul.

Keywords: V. Nabokov; mystical-religious discourse; N. Berdyaev; suicide; thanatology

For citation: Lebedeva V. Yu. (2021), “Suicidal problematics in Nabokov’s Russian novels and novella in the light of N. Berdyaev’s views”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (4), 52-64, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-4-0-5

Введение

Вопрос «вольной смерти» – один из сложнейших в человеческой истории, и амплитуда восприятия этого акта широка – в диапазоне от героизма до тяжелейшего греха (в авраамических религиях). Как заключает Дж.Н. Огбуану (J.N. Ogbuanu), в аспекте выживания человечества самоубийство является всеобщим вызовом вне зависимости от культурных и мировоззренческих различий (“a challenge to all members of the human community, irrespective of their culture, beliefs and world view”¹ (Ogbuanu, 2014: 127)). О суициде в свое время рассуждали Платон, Лукреций, Сенека, И. Кант, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, У. Джеймс, Н. Бердяев, А. Камю и др. Поворотным этапом можно полагать выход в свет монографии Э. Дюркгейма «Самоубийство. Социологический этюд». Основатель французской социологической школы провел обширное исследование на основе ранее разработанной методологии и обозначил четыре типа суицидов (эгоистическое, альтруистическое, аномическое и фаталистическое). Он посчитал, что число таких актов «зависит только от социологических

причин» и «определяется моральной организацией общества» (Дюркгейм, 1994: 180). Выход ученый увидел в создании новых форм социального взаимодействия. Н. Бердяев, «войдя в труд» предшественника, посмотрел на проблему под иным углом, о чем свидетельствует уже заглавие («О самоубийстве. Психологический этюд»), словно «отзеркаливающее» заглавие дюркгеймовской монографии. Философ перенес центр тяжести с социального на индивидуальное и актуализировал религиозный дискурс. В наши дни С.С. Аванесов, рассмотрев феномен «вольной смерти» в широком философском контексте, пришел к выводу, что суицид «означает полную онтологическую деструкцию личности» (Аванесов, 2003: 349). В литературе тема нашла выражение в творчестве У. Шекспира, И.В. Гете, Ф. Достоевского, С. Цвейга, Ф. Кафки, Л. Андреева, А. Платонова и др. Целью данного исследования является анализ суицидальной проблематики в ряде произведений В. Набокова в контексте воззрений Н. Бердяева.

Проблема добровольного ухода из жизни волновала писателя на всем протяжении его творчества. Ситуация завершённого суицида явлена в ряде рассказов, в романах «Защита Лужина», «Дар» и по-

¹ «вызов всем членам человеческого сообщества, независимо от их культуры, убеждений и мировоззрения» (пер. с англ.).

вести «Волшебник». Примечательно, что позиция писателя во многом схожа с позицией Бердяева, представленной в его труде «О самоубийстве». Ряд набоковских «суицидальных» текстов был создан до того, как книга философа увидела свет, но тем любопытнее обнаружить совпадения во взглядах. Последние во многом обусловлены приверженностью культурной традиции и духом времени.

А. Уваров, исследуя феномен самоубийства в русской философии (работах В. Соловьева, Л. Шестова, Н. Бердяева и т. д., а также в творчестве Ф. Достоевского), объясняет ее внимание к проблеме тремя основными причинами: наличием западных трудов; социальными изменениями, отразившимися в росте числа самоубийств; взаимодействием между мыслителями. Ученый резюмирует, что для русской философии «характерен очевидный крен к отрицательной оценке суицида, как правило, с религиозной точки зрения» (Уваров, 2015: 39). Заявляет он и о необходимости систематизации философских взглядов на феномен суицида: это станет важным шагом в осмыслении проблемы, столь знаковой в современном обществе, где сила *Mortido* возрастает. Мы полагаем, что свои плоды принесет и анализ произведений признанных мастеров слова.

Исследователи уже соотносили курсы Набокова и Бердяева. Так, Ю. Скроцкий утверждает, что писатель «довел до невыносимой красоты утвержденный Бердяевым <...> аристократизм» (Скроцкий, 2010: 204). О. Буренина полагает, что миры Набокова и Вагинова связывает бердяевская концепция «трагедии» творчества, обусловленной конфликтом трансцендентного и имманентного: «Если, по Бердяеву, трагедия, перерастая рамки литературной формы, эквивалентна пост-эсхатологическому пространству, то для Вагинова <...> текст есть само постэсхатологическое пространство». На такую «интерпретацию текста-“трагедии” или текста-“отчаяния”» «ориентируется» и Набоков в ряде произведений (Буренина, 2001:

473). А. Злочевская, полагая «Лолиту» глубоким исследованием «проблемы греховной любви», видит роман «художественной иллюстрацией» размышлений отечественных философов о «губительности» сниженного Эроса (Злочевская). Она приводит высказывание Бердяева об обезличивающей силе животного влечения, которое «не утверждает личность, а раздавливает ее» (Бердяев, 1990: 70). По мере развития чувства к Лолите в душе героя возникает жалость, которую А. Злочевская сопоставляет с бердяевской концепцией каритативной любви, «смирившей» любовь эротическую. Однако полноценного перерождения у Гумберта не происходит – его любовь «ущербная», потому что в подлинной любви, по Бердяеву, пол побежден возвышенным Эросом, а герой лишь осознает себя «несчастливым зверем» в клетке «физиологических пристрастий» (Злочевская).

Основная часть. Наблюдения А. Злочевской наиболее близки проблематике нашего исследования – Эрос у Набокова нередко тесно связан с Танатосом. Пример тому явлен в рассказе «Удар крыла», «отправной точке» для развития суицидальной проблематики во вселенной Набокова. По заключению Б. Аверина, писатель с определенного момента отдал предпочтение «непрямому высказыванию», когда «религиозная тема уходит в подтекст» (Аверин, 2003: 314). В «Ударе крыла», напротив, мистическое начало эксплицировано (к гибели подталкивают демоны), прямо цитируется Писание (отрывок о Левиафане) и почти цитируются «Бесы», где Кириллов заявил: «Кто смеет убить себя, тот бог» (Достоевский, 1990: 112). Главный герой Керн, мучимый черными мыслями после суицида супруги и не нашедший утешения на горнолыжном курорте (отсылающем к «Господину из Сан-Франциско» И. Бунина), желание застрелиться расценивает так: «А ведь человек, решившийся на самоубийство, – бог» (Набоков, 2004, 1: 52). Набоков, известный неоднозначным отношением к Достоев-

скому, нередко пародирует его, однако О. Меерсон (O. Meerson) полагает, что пародирование не гарантирует антипатию: «In Nabokov's case, as in Dostoevskij's, parody does not guarantee that he dislikes what he parodies»² (Meerson, 1996: 20).

Керн приземленнее Кириллова (которого Бердяев назвал «самым благородным и возвышенным из самоубийц» (Бердяев, 1931: 23)), падох на примитивные развлечения, однако ему присуща острота мироощущения – правда, со знаком «минус». Он ощущает близость «черной бездны», от которой не укрыться за «цветными лоскутками» – поездками, чтивом, любовными связями. В этом плане он близок персонажу Достоевского с его представлениями о жизни-боли, жизни-страхе, но мыслит глобальнее: «Люди выдумывают преступления, музеи, игры только для того, чтобы скрыться от неизвестного, от головокружительного неба» (Набоков, 2004, 1: 39). Здесь сопряжены проблемы эскапизма и богоотступничества вследствие грехопадения. Идея о тяге к смеральному как последствию вкушения запретного плода озвучивается и Бердяевым. Он пишет о вхождении смерти в мир и о поврежденности людей: «Человек есть большое существо, в его бессознательном есть страшная тьма» (Бердяев, 1931: 36).

Кириллов хочет утвердить превосходство идеи человекобога над идеей Богочеловека, и философ так оценивает это: «Последнее слово крестной жертвы Христа есть жизнь, воскресение. Кириллов делает бессильный метафизический жест, он бессилён своей смертью смерть поправить» (Бердяев, 1931: 22-23). Герой накладывает на себя обязательства перед антропоморфными «бесами», а Керн контактирует с бесами настоящими. Так Набоков углубляет проблематику, эксплицируя связь самоубийства с inferнальным влиянием. Это тоже резонирует с воззрениями Бердяева, писавшего, что суицидент, хоть и «закупо-

рен» в себе, творит чужую волю. Он не осознает «сатанинской метафизики самоубийства», которое «совершается нечеловеческой силой», а не является реализацией силы личностной. Убивающий себя захвачен тьмой «и утерять свободу» (Бердяев, 1931: 17). Так, Керн передает себя в руки демона-искусителя Монфиори, уводящего его, «как слепого», в комнату, где лежит пистолет.

Изложенное выше помогает лучше понять суицидальную проблематику в «Защите Лужина», «Волшебнике» и «Даре». Там, в отличие от «Удара крыла» и тоже ранней «Сказки», где демоница хвалилась, что довела до рокового шага нескольких юношей, уже имеет место «непрямое высказывание».

Если рассматривать «Защиту Лужина» в парадигме «суицидальных» текстов, становится очевидным, что автор не на стороне персонажа-лудомана (как не на стороне наркомана Лужина из «Случайности» и алкоголика Колдунова из «Лика», тоже покончивших с собой). Своего рода «приквелом» к роману можно считать стихотворение «Шахматный конь», где пожилой бывший чемпион сходит с ума и начинает считать себя этой фигурой. В романе же герою приснился кошмар, где он, голый и «ростом с пешку», стоял на доске и всматривался в «расположение огромных фигур, горбатых, головастых, венценосных» (Набоков, 2009, 2: 452). В тексте обнаруживается «аддикционная тетрада»: элементами одного поля явлены игромания, курение, алкоголизм и наркомания (впрыскивания кокаина Холмсом, любимым персонажем Лужина). По принятию кокаина у однофамильца шахматиста из «Случайности» «голова наливалась блаженным ледяным воздухом» (Набоков, 2004, 1: 65), а в романе «ледяной воздух» наполнял комнату, где юный игрок искал в журналах шахматные задачи, и он же хлынул ему в рот, когда тот вышел в окно.

Лужин – эскапист, он ищет прибежища от действительности, в связи с чем И. Мэйзинг-Делик (I. Masing-Delic) упо-

² «В случае Набокова, как и Достоевского, пародия не означает, что ему не нравится то, что он пародирует» (пер. с англ.).

добляет его Башмачкину: “There are numerous allusions to Gogol’s “Overcoat” in Vladimir Nabokov’s “The Defense””³ (Masing-Delic, 2017: 1). Исследовательница, проведя параллели «каллиграфия/шахматы» и «шинель как жена / жена как шинель», приходит к выводу, что поиски защиты оборачиваются для героев саморазрушением. Кстати, Бердяев упоминает и зависимости, объясняя их попыткой избавиться от страданий (все набоковские аддикты несчастны): когда кто-то прибегает к наркотикам, «он не выносит мучительности сознания», но уходит от последнего «вниз, а не вверх» (Бердяев, 1931: 35). Философ называет это «частичным самоубийством».

Лужин имеет проблемы и с телесностью, обусловленные не только образом жизни, но и некоторым отрицанием материального мира. В этом тоже есть суицидальный подтекст: такое пренебрежение к себе и к миру, по Бердяеву, сопряжено с эгоизмом, «самопогруженностью и самопоглощенностью», противостоящим «нормальной любви к себе, как к принадлежащему Богу существу» (Бердяев, 1931: 25-26). Впоследствии негативное отношение потенциальный самоубийца экстраполирует на окружающее. Когда человек желает самоуничтожения, «то этого он никому не прощает, ему делаются ненавистны и противны и другие люди, и весь мир Божий» (Бердяев, 1931: 26). Яркая иллюстрация представлена в «Ударе крыла», где Керну в момент особого напряжения захотелось «запустить в стену горшок с гиацинтами. <...> Теперь он понял, что и людские лица нестерпимы ему» (Набоков, 2004, 1: 40). В Лужине подобное тоже накапливалось – так, на турнире он стал ощущать присутствие других как «отвратительное тепло».

Расчеловечивание героя показано и посредством механистической образности. Некоторые его действия сопровождаются эпитетом «машинально», а перед суици-

дом жена полуосознанно скажет о нем «стоп-машина» и расплатится. У Лужина сложности и с чувством времени, что тоже характеризует его как метафизического слепца. Так, Т. Лясковец (Т. Lyaskovets) полагает, что на вопрос, какое из чувств (слух, вкус и т. д.) ответственно за восприятие времени, “Nabokov’s answer <...> is sight – physical and mental”⁴ (Lyaskovets, 2014: 2). Про «сбитое» чувство времени у суицидентов Бердяев пишет тоже, выявляя такие аспекты, как застревание в негативном переживании, предпочтение земного, недооценка близости преисподней и перспективы загробных мучений. Отчаяние – это «дурная бесконечность муки и страдания, т. е. предвосхищение вечных адских мук, от которых человек думает освободиться лишением себя жизни» (Бердяев, 1931: 11). Мотив ада – сквозной у Набокова, и маркерами преисподней он часто наделяет посюсторонний мир, словно разделяя идею Свт. Григория Нисского о том, что Земля – это верхний ад. Уже в «Ударе крыла» есть аллюзии на “Inferno”, что отметила Л. Бугаева: лиминальное положение Керна, находящегося «на грани “провала” в смерть, – это отсылка к Данте и к его путешествию по загробному миру» (Бугаева, 2011: 666). В «Защите Лужина» встречается скрытое упоминание Тартара, жена шахматиста называет адом турнирный период, сам он в музее с интересом рассматривает картину, на которой изображено «все мучение грешников в аду».

В целом, Лужина можно отнести и к homo ludens (Й. Хейзинга) (с негативной коннотацией), и к homo mechanicus (Э. Фромм), причем эти ипостаси взаимосвязаны. В истории известен шахматный автомат «Турок», о нем даже писал Э.А. По. Прибор упомянут в романе «Король, дама, валет», и его можно полагать одним из аллегорических прототипов «машиноподобного» Лужина (также в тексте фигурируют турецкий столик и отто-

³ «В “Защите” Владимира Набокова есть многочисленные аллюзии на “Шинель” Гоголя» (пер. с англ.)

⁴ «Ответ Набокова <...> это зрение – физическое и ментальное» (пер. с англ.)

манка, жена шахматиста называет себя «прекрасной турчанкой», а их чета прогуливается вблизи магазина «играющих аппаратов» – Набоков известный мастер каламбура).

Еще одно подтверждение того, что шахматист проходит путь метафизического распада, обнаруживается в «Камере обскуре». Там героя поглощает сексуальная страсть – по наблюдению Н. Букс, «своеобразным парафразом» произведения является фильм «Плоть и дьявол» (Букс, 1992: 187). Ослепнув после аварии, герой, осмыслив свое духовное состояние, понял, что не отличался от презираемых им ранее «узких специалистов»: «от рабочего, знающего только свою машину, от виртуоза, ставшего лишь придатком к музыкальному инструменту. Специальностью Кречмара было <...> живописное любострастие» (Набоков, 2006, 3: 375). Параллель «шахматы/музыка» проведена в «Защите Лужина» настойчиво, и мотив узости там актуализирован тоже. Среди соматических примет героя автор отмечает узкие глаза, а ближе к финалу как бы невзначай говорит про «узкое поле лужинского зрения». В итоге оно сузилось до черного квадрата окна, через которое шахматист шагнул в небытие. Про «туннельное зрение» самоубийцы пишет и Бердяев, отмечая «страшное сужение сознания, угасание для него всего богатства Божьего мира», когда жизнь замыкается «в одной темной точке» (Бердяев, 1931: 11).

Кроме того, «Защита Лужина» корреспондирует с «Ударом крыла» в аспектах богоборчества и inferнального влияния. В рассказе искусителем Монфиори (как бы дающим Керну шанс выбрать) озвучена оппозиция «Бог vs боги», за которыми угадываются inferнальные силы. В «Защите Лужина» шахматы названы одним из темных медиаторов «игрой богов»; после срыва на турнире какое-то время были «в тени жестокие громады, боги его [лужинского – В.Л.] бытия» (Набоков, 2009, 2: 403); в состоянии срыва игрок, мечущийся в поисках дома детства, оказался на якобы зна-

комом мосту, но вскоре понял, что это «тонкая уловка со стороны шахматных богов, ибо на перилах моста выросли мокрые от дождя, дрожащие, голые великанши» (Набоков, 2009, 2: 391). Герой постоянно ощущает угрозу, на него периодически кто-то/что-то пристально смотрит, в момент срыва он слышит голоса – будто бы окружающих, но Набоков не уточняет, чьи это голоса. Когда он собирался выброситься из окна, внизу шло «торопливое подготовление». Стоит добавить, что паровоз, который должен был раздавить голову лужинского однофамильца из «Случайности», «нагрязнул жадно». Аналогичным образом на пути ищущего гибели героя «Волшебника» «выросло» нечто, «готовое низринуться» (транспорт на ночной дороге, и это не единственный уровень прочтения).

В этой повести безымянный мужчина средних лет, страдающий от влечения к девочкам, женится на больной вдове в надежде совратить ее двенадцатилетнюю дочь (произведение предвосхищает коллизию «Лолиты»). Через какое-то время женщина умирает, и «волшебник» увозит падчерицу с собой, предвкушая годы плотских утех. Но в первую же ночь в гостинице он не совладал с похотью при виде задремавшей девочки, та проснулась и закричала, разбудив всех, и ему пришлось спасаться позорным бегством. В персонаже зародилось «требование потока, пропасти, рельсов – все равно как...». В итоге он бросился под машину: «Когда же завыло впереди, <...> и выросло, <...> уже озаряя спуск двумя овалами желтоватого света, готовое низринуться – тогда <...> под это растущее...» (Набоков, 2008, 5: 81). Тут Набоков тоже вводит «адский» мотив – персонаж бежал по панели, «ощущая босоту уже как провал в другое» (Набоков, 2008, 5: 81). Возжаждав смерти, герой обесценивает реальность: «Надо тотчас отделаться от ненужного, досмотренного, глупейшего мира» (Набоков, 2008, 5: 81). Бердяев пишет, что самоубийца по сути своей – раб, он не побеждает мир, как

Христос, а побеждается им. Такой индивид ищет «вкусного», хочет, чтобы мир «возбуждал его, привлекал его, и мучается, что это прошло и уже невозможно» (Бердяев, 1931: 20). Он считает настоящей жизнью «сладость мира», и ее потеря оборачивается катастрофой. Суицидента «убивает мир, ставший для него слишком горьким» (Бердяев, 1931: 18).

И Лужин, и «волшебник» долго осуществляли «частичное самоубийство», только шахматист – пленник виртуального мира игры, его саморазрушение обусловлено аддикцией, как у алкоголиков и наркоманов, ищущих утешения в дурмане. Похотливый же «волшебник» не эскапист, его душа – игральное страстей, «порождающих непреодолимые конфликты жизни» (Бердяев, 1931: 15). К ним философ причисляет жажду власти, наживы, мести, ярость, сластолюбие, ревность и азарт. При этом уход из жизни людей типа шахматиста и «волшебника» Бердяев относит к явлениям больше индивидуального, нежели социального толка.

Набоков, ставя вопрос личностного выбора, одновременно заявляет и проблеме среды. Его суициденты окружены непониманием, отчуждением, порой агрессией. Об одиночестве на грани изоляции как причине размышляет и Бердяев. Набоков поднимает также тему табуирования смерти, которое в большинстве западных культур превратило экзистенциальные запросы в нечто постыдное и дурное (“has turned an existentially sound quest for meaning and search for healing of the soul and reconnection to the world into something shameful and bad”⁵ (Ventegodt and Merrick, 2005: 765)). Кстати, в набоковской прозе, начиная с «Удара крыла», обнаруживается немало аллюзий на «Маску Красной смерти» Э. По и «Господина из Сан-Франциско» И. Бунина, что заслуживает особого исследования. По Бердяеву, самоубийство есть

⁵ «экзистенциально обоснованный поиск смысла и стремление к исцелению души и воссоединению с миром превратился во что-то постыдное и плохое» (пер. с англ.).

насилие не только над жизнью, но и над смертью, потому что суицидент не уважает ее тайну и не желает «знать Того, Кто создал жизнь и от Кого зависит смерть» (Бердяев, 1931: 20).

Философ указывает и на многоаспектность христианской танатологии. Мортальность не только зло: «Христос смертью смерть поправ. <...> Представить себе нашу грешную и ограниченную жизнь бесконечной есть кошмар. Через смерть мы идем к воскресению для новой жизни» (Бердяев, 1931: 21). При таком подходе самоубийство – это отказ от креста и измена Богу, побежденность миром сим. Кстати, когда шахматист перед суицидом метался по квартире, что-то решая внутри себя, жена, напуганная происходящим, говорила словно в пророческом полутрансе: «Ради Христа, садитесь, Лужин. <...> Ну, поговорим о чем-нибудь. <...> Вы умрете, если будете так много гулять» (Набоков, 2009, 2: 462). Ранее герой не был на похоронах отца, потому что боялся «пуще всего мертвецов, гробов, венков и ответственности, связанной со всем этим» (Набоков, 2009, 2: 361). Слова про ответственность можно прочесть и «по горизонтали» (хлопоты вокруг трагического события), и «по вертикали» (взаимоотношения с Создателем).

Безответственность – качество, роднящее набоковских суицидентов. Затрагивая социальный аспект, автор поднимает и проблему цепочки зла, контагиозного влияния. В ситуациях героев бывают замешаны другие люди (и не только), среди которых выделяется лужинский антрепренер Валентинов, «демонический агент» (Барбтарло, 2011: 124). Также его можно отнести к представителям типа «confidence man», рассматриваемого Б. Уилли (B. Wyllie) на материале романов «Отчаяние», «Смех в темноте», «Король, дама, валет». Она пишет, что о невинных жертвах говорить там не приходится: все ищут выгоды, соглашаясь быть объектом либо субъектом манипуляций (“either by tacitly agreeing to be manipulated or by actively ma-

nipulating someone else”⁶ (Wyllie, 2016: 11)). Галерею дополняет Лужин, который, позволяя Валентинову обращаться с собой как с вещью, сам схожим образом воспринимает людей, видя в них подобию шахматных фигур.

В романе «Дар» в аспекте суицида заявлена проблема токсичности идей (что тоже резонирует с «Бесами»). В ловушку угодили молодые люди, ставшие, пользуясь формулировкой Бердяева, жертвами «бурного душевного кризиса» на любовной почве. Свою роль сыграл и дух времени – уход из жизни Яши Чернышевского «пропитан литературой». Он и двое его друзей, оказавшись в закольцованной ситуации невзаимного чувства (Яша «влюблен в душу» Рудольфа, того влечет к Ольге, а ее – к Яше), задумали тройное самоубийство. В итоге застрелился только Чернышевский, а остальные двое сблизилась и оставили трагедию в прошлом.

В «Даре» Набоков прибегает к отличной от предыдущих «суицидальных» текстов повествовательной стратегии: история Яши показана не напрямую, а сквозь призму восприятия Ф. Годунова-Чердынцева. С. Блэквелл (S. Blackwell), проанализировав эпизод роковой поездки в лес и указав на детали, которые не могли знать рассказчики Ольга и Рудольф, пишет о творческой интерполяции: “It demonstrates for us how he [Федор – В.Л.] approaches the craft of artistically distorting his reality”⁷ (Blackwell, 2017: 151). Кроме того, Годунов-Чердынцев опасается, что родители Яши вынудят его написать роман о нем, что тоже придает «литературность» ситуации.

Не только Яшина коллизия глубоко «литературна», но и некоторые ключи к ней лежат в «книжной» плоскости – в его комнате остались два поэтических сборни-

ка. А. Долинин охарактеризовал их как эмблематичные и поднял вопрос личной ответственности: через них словно предлагается «молодому поэту выбор между путем Анненского и путем Ходасевича, между “кипарисовым ларцом” смерти и “тяжелой лирой” творчества» (Долинин, 2009: 255-256). Такое противопоставление – вариант оппозиции «витальность vs мортальность», и Годунов-Чердынцев и Яша делают свой выбор. Осмысляя судьбу юного самоубийцы, А. Долинин приходит к выводу о наличии в романе «излюбленной набоковской мысли о единой, губительной для художника сущности всех разновидностей духовного рабства, подчинения “веаниям века”» (Долинин, 2009: 256). Эта «излюбленная» писателем мысль корреспондирует с мыслью Бердяева, немало пишущего о разного рода рабстве (выше приводились высказывания такого толка).

Сама идея тройного суицида активнее всего разрабатывалась Ольгой, на которую можно посмотреть как на темного медиатора. Она, пользуясь формулировкой Бердяева, вызвала «роковую решимость» в других, «посеяла» смерть – однако сама избежала ее всходов. Яша же продолжил галерею суицидентов, делегировавших другим ответственность за свою жизнь.

Набоков специфически описывает время, предшествующее событию. Чета Чернышевских, как и родители других участников «заговора», не только не подозревала ни о чем, «но с уверенностью ответила бы, найдись праздный вопрошатель среди ангелов, уже слетавшихся, уже кипевших с профессиональной хлопотливостью вокруг колыбели, где лежал темный новорожденный револьвер, – ответила бы, что все хорошо» (Набоков, 2002, 4: 231). Во-первых, тут заявлена проблема среды – всем было комфортно в «розовых очках». Во-вторых, эксплицитированные в «Ударе крыла» демонические силы, уйдя на время в тень подтекста, напоминают о себе на страницах «Дара» («хлопотливые» ангелы явно из числа падших). Так происходит закольцовывание внутри суицидаль-

⁶ «либо молчаливо соглашаясь на то, чтобы им манипулировали, либо активно манипулируя кем-то другим» (пер. с англ.)

⁷ «Это демонстрирует нам, как он [Федор. – В.Л.] подходит к искусству художественного искажения своей реальности» (пер. с англ.)

ного дискурса в русскоязычной прозе Набокова. К слову, прием гиперболизации применен и здесь: «новорожденный» револьвер к весне «вырос», а в назначенный день он стал «совсем толстым и самостоятельным» (Набоков, 2002, 4: 232). Стоит вспомнить, что в «Волшебнике» нечто, «готовое низринуться», «выросло» навстречу самоубийце, а в «Защите Лужина» постепенно «выросли» до огромных размеров «шахматные боги», принимающие вид то великанш на мосту, то гигантских фигур перед героем-пешкой. Начинать он, к слову, с другого статуса – маленькому Лужину в играх приятнее всего было «изображать короля».

При сопоставлении эпизодов самоубийства в «Защите Лужина», «Волшебнике» и «Даре» обнаруживаются сходства, характерные для суицидального дискурса писателя в целом. Роковой шаг предвращается другим шагом – герои переступают онтологический порог. От того, как это «разрешится, зависит рисунок бытия будущего, <...> вызревающего в момент прохождения <...> порога» (Карасев, 2009: 26). Суициденты оказываются не в состоянии пройти испытание, а их гибель не романтизируется и не эстетизируется. (К слову, лудоман Лужин упал с высоты, подобно «съеденной» шахматной фигуре, а тело Яши было испачкано «землю, кровью, илом» – Ольга с Рудольфом пытались привести его в чувство.) Игрок и «волшебник» испытывают тягу к небытию вследствие тупика, к которому долго шли. Яша колеблется, но им тоже движет отчаяние. Их коллизии отражают слова Бердяева о том, что страшный шаг делается в особый момент, «когда черные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды» (Бердяев, 1931: 10).

Яшу роднит с другими суицидентами и проблема внутренней несвободы. Будучи более витальным, умирать он боялся и не хотел (о чем свидетельствует предсмертная записка), но его выстрел, погружение в немоту – проявление слабости, а не силы (о такого рода слабости пишет и Бердяев).

В этом ключе ему противостоит не только Годунов-Чердынцев, но и Цинциннат Ц., который в ситуации «застревания» у терминального порога становится художником – смертность возводится «в моторную творческую силу» (Buhks, 1994: 825), а в финале герой воскресает.

Одновременно Набоков и Бердяев поднимают вопрос «противоядия», суть которого – в примирении с Богом (только писатель предпочитает «непрямое высказывание»). Набоков иногда воспринимается как автор, безжалостный к персонажам вплоть до отвращения. Прот. А. Шмеман даже обвинил его в «гордыне» и тонком «хамстве» в библейском смысле (Шмеман, 2005: 27). Однако мы разделяем мнение А.М. Котина о том, что писатель осуждает не грешника, а грех (эта лексема неоднократно встречается в его текстах). И этот суд Набоков, однажды назвавший себя строгим моралистом, производит с «недвусмысленной, безжалостной» выскательностью, потому что сантименты или сочувствие чреватые «попыткой оправдания» греха, разлагающего личность (Котин, 2021: 270-271). Бердяев тоже разделяет грешника и грех («можно сочувствовать самоубийце, но нельзя сочувствовать самоубийству» (Бердяев, 1931: 6)) и пишет, что, хотя каноны Церкви крайне суровы в отношении к этому явлению, в такой жестокости и беспощадности есть своя метафизическая глубина, потому что суицид есть попрание небесных законов и насилие над жизнью и смертью.

Философ указывает и на иллюзорность изоляции суицидента: «Уничтожая себя, человек калечит и уничтожает мир, космическое целое, других людей, ибо все со всем связано... <...> Убивая себя, человек наносит рану миру как целому, мешает осуществлению Царства Божьего» (Бердяев, 1931: 27). Параллель «человек/мир» занимает важное место во вселенной Набокова и эксплицируется, в том числе, в романе о самоубийце. За несколько минут до рокового шага игрок метался по квартире: «И вдруг Лужин остановился. Это было

так, словно остановился весь мир» (Набоков, 2009, 2: 462). Автор не принижает достоинство героя в глобальном смысле, он рисует его субъектом воли, выбравшим переход на темную сторону. Имя Лужина звучит лишь в финале, после его гибели, а автор кончает роман словами: «Но никакого Александра Ивановича не было» (Набоков, 2009, 2: 465). Набоков изображает суицидентов дезертирами метафизической войны, отрекающимися от своей миссии и, в конечном итоге, личности (имя – одна из ее инокформ). Применяя апофатический подход, писатель утверждает идею борьбы за свою душу, выраженную и Бердяевым, пишущим, что каждый, являясь частью глобального целого, «призван быть деятелем»: «От проявленной им духовной силы зависит будущее» (Бердяев, 1931: 10).

Заключение

Рассмотренные произведения можно назвать «художественной иллюстрацией» (А. Злочевская) размышлений Бердяева о «вольной смерти». И *vice versa* – на труд философа можно посмотреть как на своего рода комментарий к текстам Набокова. Оба они осуждают самоуничтожение, не романтизируют и не героизируют его, показывая тем самым приверженность христианской традиции.

Писатель и мыслитель, каждый по-своему, затрагивают разнообразные аспекты проблемы «вольной смерти». С одной стороны, вина лежит на самом человеке, замкнувшемся на себе, делегировавшем ответственность вовне, потребительски смотрящем на мир и пребывающем в скрытом или явном конфликте с Богом. С другой, играет роль и окружающая обстановка, когда опасность представляют гнетущая атмосфера и токсичное влияние. С третьей, не стоит недооценивать активность потусторонних сил, чья главная цель – перетянуть человека на темную сторону и загубить душу. Выход Набоков и Бердяев видят в принятии на себя ответственности и неустанной внутренней борьбе (которую продемонстрировал главный герой «Приглашения на казнь»).

Осталось добавить, что выбранная область исследования достаточно перспективна, так как художественная суицидология Набокова изучена не в полной мере. Видится продуктивным и междисциплинарный подход, способствующий более глубокому пониманию онтологии и аксиологии писателя и историко-культурного контекста. Кроме того, результаты исследования смертной проблематики служат вкладом в развитие такой отрасли междисциплинарного знания, как танатология.

Источники

Бердяев, Н.А. О самоубийстве: Психологический этюд. Париж: YMCA-press, 1931. 45 с.

Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Международные отношения, 1990. 336 с.

Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. 847 с.

Набоков, В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. СПб.: Симпозиум, 2004–2009.

Литература

Аванесов, С.С. Вольная смерть. Часть 1. Основания философской суицидологии. Томск: ТГУ, 2003. 396 с.

Аверин, Б.В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.

Барабтарло, Г. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.

Буренина, О. Литература – «остров мертвых» (Набоков и Вагинов) // В.В. Набоков: Pro et Contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова: Антология. Т. 2. СПб.: Изд-во Христ. гуманист. ин-та, 2001. С. 471-484.

Бугаева, Л.Д. Набоков и Данте // Данте: pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей. СПб.: Изд-во РХГА, 2011. С. 665-676.

Долинин, А. Две книги на стуле около кровати (Из комментария к роману Набокова «Дар») // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия А.В. Лаврова. М.: НЛЮ, 2009. С. 241-257.

Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Злочевская, А. Философия любви в романе Владимира Набокова «Лолита» [Электронный ресурс] URL: <https://bogoslav.ru/article/374871> (дата обращения: 30.10.2021).

Карасев, Л.В. Флейта Гамлета: очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009. 208 с.

Котин, А.М. Мотив греховной страсти и супружеской неверности в романах В. Набокова «Король, дама, валет» и «Камера обскура» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 255–275. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9322.

Скродцкий, Ю.А. Вариации на тему «Набоков», или «Первый хорошо одетый философ в истории мысли» // Вестник РХГА. 2010. Т. 11. № 3. С. 198-205.

Уваров, А.Н. Интерпретация феномена самоубийства в русской философии // Соловьевские исследования. 2015. № 4 (48). С. 29-43.

Шмеман, А., прот. Дневники 1973–1983. М: Русский путь, 2005. 735 с.

Blackwell, S. Nabokov's "The Gift", Dostoevskii, and the Tradition of Narratorial Ambiguity // Slavic Review. 2017. № 1 (76). P. 147-168.

Buhks, N.A. Scaffold in the Crystal Palace – On the Novel "Priglasenie na Kazn" by Nabokov, V. // Cahiers du Monde Russe. 1994. № 4 (35), P. 821-838.

Buhks, N. Magic-Lantern or "Kamera Obskura", a Film-Story by Nabokov, V. + English Revision as 'Laughter in the Dark' // Cahiers du Monde Russe. 1992. № 2-3 (33). P. 181-205.

Lyaskovets, T. Time, Photography, and Optical Technology in Nabokov's Speak, Memory // CLCWeb: Comparative Literature and Culture. 2014. № 4 (16), P. 1-10.

Masing-Delic, I. The "Overcoat" of Nabokov's Luzhin: Defense as Self-Destruction // Partial Answers. Journal of Literature and the History of Ideas. 2017. № 1 (15), P. 1-21.

Meerson, O. Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense: Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo // Zeitschrift für Slawistik. 1996. № 41(1). P. 20-33.

Ogbuanu, J.N. The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person // Acta Theologica. 2014. № 1 (34). P. 127-144.

Ventegodt, S., Merrick, J. Suicide from a holistic point of view // The Scientific World Journal. 2005. № 5. P. 759-766.

Wyllie, B. (2016) Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds: Vladimir Nabokov's Confidence Men // The Cambridge Quarterly, № 1 (45), P. 1-19. DOI:10.1093/camqtly/bfv032.

Sources

Berdyaev, N. A. (1931), *O samoubiystve: Psikhologicheskij etjud* [On Suicide: Psychological Etude], YMCA-press, Paris, France (in Russ.).

Berdjaev, N. A. (1990), *Samopoznanie (opyt filsofskoy avtobiografii)* [Self Knowledge: An Essay in Autobiography], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia (in Russ.).

Dostoevskiy, F. M. (1990), *Sobranie sochineniy v 15 tomakh. Tom 7* [Collected works in 15 volumes. Vol. 7], Nauka, Leningradskoe otделение, Leningrad, Russia (in Russ.).

Nabokov, V. V. (2004–2009), *Russkiy period. Sobranie sochineniy v 5 tomakh* [Russian period. Collected works in 5 volumes], Simpozium, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

References

Avanesov, S. S. (2003) *Vol'naja smert'. Chast' 1. Osnovaniya filsofskoj suitsidologii* [Voluntary Death. Part 1. Foundations of

Philosophical Suicidology], TGU, Tomsk, Russia (in Russ.).

Averin, B. V. (2003), *Dar Mnemoziny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [Mnemosyne's Gift. Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition], Amfora, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Barabtarlo, G. (2011), *Sochinenie Nabokova* [Nabokov's Composition], Izdatel'stvo Ivana Limbakha, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

Blackwell, S. (2017), "Nabokov's "The Gift", Dostoevskiy, and the Tradition of Narratorial Ambiguity", *Slavic Review*, 1 (76), 147-168.

Bugaeva, L. D. (2011), "Nabokov and Dante", *Dante: pro et contra. Lichnost' i nasledie Dante v otsenke russkikh mysliteley, pisateley, issledovateley* [Dante: Pro et Contra. Dante's Personality and Heritage as Seen by Russian Thinkers, Writers and Scholars. An Anthology], Izdatel'stvo RHGA, St. Petersburg, 665-676 (in Russ.).

Buhks, N. (1992), "Magic-Lantern or "Kamera Obskura", a Film-Story by Nabokov, V. + English Revision as 'Laughter in the Dark'", *Cahiers du Monde Russe*, 33 (2-3), 181-205 (in Russ.).

Buhks, N. A. (1994), "Scaffold in the Crystal-Palace – On the Novel "Priglasenie na Kazn" by Nabokov, V.", *Cahiers du Monde Russe*, 4 (35), 821-838. (in Russ.).

Burenina, O. (2001), "Literature – "Isle of the Dead" (Nabokov and Vaginov)", *V.V. Nabokov: Pro et Contra: Materialy i issledovaniya o zhizni i tvorchestve V.V. Nabokova: Antologiya. Tom 2.* [V.V. Nabokov: Pro et Contra: Materials and Research on V.V. Nabokov's life and work: An Antology. Vol. 2.], Izdatel'stvo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, St. Petersburg, Russia, 471-484 (in Russ.).

Dolinin, A. (2009), "Two Books on the Chair by the Bed" (From the Commentary to V. Nabokov's Novel "The Gift"), *Na rubezhe dvukh stoletiy: Sbornik v chest' 60-letiya A.V. Lavrova* [At the turn of two centuries: A collection in honor of the 60th anniversary of

A. V. Lavrov], NLO, Moscow, Russia, 241-257 (in Russ.).

Durkheim, E. (1994), *Samoubijstvo: Sociologicheskij jetjud* [Suicide: A Study in Sociology], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Karasev, L. V. (2009), *Fleyta Gamleta. Ocherk ontologicheskoy poetiki* [Hamlet's Flute: An Essay on Ontological Poetics], Znack, Moscow, Russia (in Russ.).

Kotin, A. M. (2021), The Motif of Sinful Passion and Marital Infidelity in the Novels "King, Queen, Knave" and "Camera Obscura" by V. Nabokov, *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics], (3) 19, 255-275. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9322 (in Russ.).

Lyaskovets, T. (2014), "Time, Photography, and Optical Technology in Nabokov's Speak, Memory", *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*, 4 (16), 1-10.

Masing-Delic, I. (2017), "The "Overcoat" of Nabokov's Luzhin: Defense as Self-Destruction", *Partial Answers. Journal of Literature and the History of Ideas*, 1 (15), 1-21.

Meerson, O. (1996), "Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense: Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo", *Zeitschrift für Slawistik*, 41 (1), 20-33.

Ogbuanu, J. N. (2014), "The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person", *Acta Theologica*, 1 (34), 127-144.

Shmeman, A., prot. (2005), *Dnevniky 1973–1983* [Diaries 1973–1983], Russkiy put', Moscow, Russia (in Russ.).

Skrotskiy, Yu. A. (2010), "Variations on the Theme "Nabokov", or "The First Well-dressed Philosopher in the History of Thought"", *Vestnik RHGA* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 3 (11), 198-205 (in Russ.).

Uvarov, A. N. (2015), "The Interpretation of the Phenomenon of Suicide in Russian Philosophy", *Solov'evskie issledovaniya* [Solovetsky studies], 4 (48), 29-43 (in Russ.).

Ventegodt, S. and Merrick, J. (2005) "Suicide from a holistic point of view", *The Scientific World Journal*, 5, 759-766.

Wyllie, B. (2016), "Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds: Vladimir Nabokov's Confidence Men", *The Cambridge Quarterly*, 1 (45), 1-19. DOI:10.1093/camqtly/bfv032.

Zlochevskaya, A. *Filosofiya lyubvi v romane Vladimira Nabokova "Lolita"* [Philosophy of Love in Vladimir Nabokov's Novel "Lolita"] [Online], available at: <https://bogoslov.ru/article/374871> (Accessed 30 October 2021) (in Russ.).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Лебедева Виктория Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, г. Елец, Липецкая область, 399770, Россия; vikkktoria2@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0003-4124-5146

ABOUT THE AUTHOR:

Viktoriya Yu. Lebedeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Teaching Methods, Bunin Yelets State University; vikkktoria2@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0003-4124-5146